

— Я знал, что ты придешь, — эти слова заставили Чжубая на мгновение застыть.

Гроза всегда пугала Чжубая. Этот страх тянулся из самого детства — тогда раскаты грома казались ему самым жутким кошмаром на свете. На Горе Великой Чистоты над ним за это не раз посмеивались: мол, грозный черный дракон, явившийся из глубин Поглощающей Бездны, обязан презирать любую опасность, а тут трепещет перед обычным ливнем.

И лишь Лу Юньцзи никогда не присоединялся к чужим насмешкам. Его совершенно не заботило, вырастет ли из питомца великий воин или послушное оружие. Обладая сокрушительной собственной силой, он никогда не зарился на древнюю мощь, дремавшую в драконе. Он просто позволял мальчишке расти свободным, оберегая его от остального мира.

В грозовые ночи Лу Юньцзи садился рядом, терпеливо закрывал ладонями его уши и тихо шептал:

— Не бойся.

«Не бойся, учитель здесь».

Минули годы, и Чжубай подчинил себе небесную грозу, сделавшись ее полноправным владыкой. Те давние слова наставника оказались пророческими.

Но саму казнь на Горе Великой Чистоты ему увидеть не довелось. Когда Лу Юньцзи взошел на плаху, Чжубай уже носил дарованный демонами титул Истинного Владыки Небесного Дракона. Он беспечно жил в Темном царстве, не зная забот, и, пожелай он того, мог бы до конца дней своих не ведать горя.

Всё изменилось, когда пришла весть о гибели наставника. Чжубай просидел в одиночестве всю ночь, запершись в Поместье Бай, и верный Чжан Ну не осмелился даже приблизиться к его дверям. Казнь небесным громом... Как такое могло произойти? Почему именно эта кара?

Как величайший из заклинателей мог погибнуть столь позорной, унижительной смертью?

Ведь Лу Юньцзи был гением, истинным избранником небес. Громом карали лишь худших отступников и предателей. Что же такого он совершил, раз старейшины решили лишить его даже посмертной чести?

Чжубай до дрожи боялся грозы, но судьба распорядилась так, что его учитель принял смерть именно от ударов молний.

Долгое время дракон изводил себя вопросом: будь он тогда на горе, изменилось бы хоть что-то?

Окажись он рядом в тот страшный день, позволил бы он небесному гневу обрушиться на плечи

наставника? Какое бы преступление ни совершил Лу Юньцзи, он не заслуживал подобной участи.

Если бы только он был там...

Если бы он успел...

Эта мысль терзала его годами, сталкиваясь во внутреннем раздоре со слепым желанием убить учителя. Чжубай жаждал растерзать его — и одновременно спасти; уничтожить собственными руками — и вновь обнять, запутавшись в дебрях собственной противоречивой души.

Оказавшись в наведенном Змеей кошмаров сне, Чжубай поначалу не испытывал страха, пока не понял: сотворенная демоном иллюзия воссоздала его самый сокровенный, тщательно скрываемый кошмар. Казнь на Террасе Казни Бессмертных.

Он впервые воочию созерцал трагедию прошлого и с ужасом осознал: Лу Юньцзи принял гибель добровольно.

Почему в его облике не читалось ни капли сожаления? Иссушив сердце и отрекшись от мирских чувств, великий заклинатель шел к своей гибели без колебаний, и ничто на свете не могло заставить его обернуться.

Наваждение змеи было пугающе осязаемым. Бешеная буря хлестала по лицу, развевая белоснежные одежды Лу Юньцзи.

Внезапный порыв ветра обнажил шею обреченного, и Чжубай замер. На шее учителя на алом шнурке покоилась черная драконья чешуйка — его собственный детский подарок, призванный защищать владельца от любых бед. Лу Юньцзи не расстался с ней даже на пороге смерти.

Кем же он всё-таки был для своего невозмутимого наставника?

Ранее даос Пуюнь обмолвился, что учитель зашел так далеко «ради него». Но о ком шла речь? Неужели...

Боль от сдерживаемых молний пронзила ладони Чжубая, растекаясь по венам ядовитым жаром. Поглощать ярость небес было мучительно, однако эта физическая мука бледнела перед той раной, что вновь кровоточила в его груди при виде плахи.

Иссиня-черные тучи над головой свернулись в зловещую воронку. Змея кошмаров сотворила новые разряды — второй, третий...

Три багровых столпа молний рухнули из разверзшихся небес, точно колоссальные когти

невидимой длани, сжимаясь вокруг них неодолимой клеткой.

Смертным не пережить и одного такого удара, а три сулили верную гибель даже бессмертным небожителям.

Быстро сплетя пальцы в защитном жесте, дракон вскинул голову. По его шее и щекам, отливая матовым блеском, поползли иссиня-черные чешуйки. Ледяные и жесткие, они проступали на бледной коже, лишая его облик остатков человеческого тепла.

Огибая наложенную некогда печать Су Цзюгуя, древняя броня поднималась выше, очерчивая линию подбородка и висков.

Растрепанные вихрем серебряные волосы теперь пестрели смоляными прядями.

Кошмар пробудил его истинное естество. Исчезла привычная маска изнеженного юноши — черты лица заострились, наполнившись хищной, подавляющей силой. Взгляд сделался тяжелым, полным первобытной угрозы, заставляющей любого смертного безропотно пасть ниц.

Потоки ливня обрушились на землю среди непрекращающегося грохота. Три багровые молнии, подобные исполинским ядовитым змеям, застыли в воздухе, усмиренные властной аурой дракона.

Однако повернуть вспять обрушившийся небесный гнев было так же невозможно, как заставить реку течь вспять. Даже величия Истинного Владыки не хватало, чтобы вернуть разряды обратно в тучи.

Молнии не замерли намертво — они лишь замедлили свой бег, упрямо нависая над головами и дюйм за дюймом опускаясь ниже. Чжубай просто выигрывал драгоценные мгновения.

Чешуя покрывала его тело всё плотнее. Дракон из последних сил удерживал иллюзорное пространство от стремительного распада, сдерживая рвущуюся наружу силу.

Он вскинул голову. Человеческий взгляд сменился мертвенным блеском золотых змеиных глаз с вертикальными зрачками. Сквозь стиснутые зубы глухо, с яростной дрожью сорвалось имя:

— Лу... Юнь... цзи...

Он произнес его медленно, будто примеряясь к тому, как будет ломать эти кости и пить эту теплую кровь, стирая саму память об учителе из поднебесной.

Сдерживание молний утомляло его, но жажда прикончить стоящего перед ним наставника была куда сильнее. И всё же Чжубай оказался зажат в тиски: стоило ослабить хватку, и

бешеная стихия мгновенно испепелила бы его самого.

Су Цзюгуй призвал его на помощь лишь для того, чтобы запереть один на один со смертоносной ловушкой.

— Давно не виделись, — оскалился дракон.

От его жуткого, ледящего душу смеха Хо Цин и Дева-змея невольно отшатнулись назад на несколько шагов.

Чжубай никогда не скрывал своего намерения оборвать жизнь этого человека при первой же возможности — пусть даже в границах зыбкого сна.

Скованный тяжелыми цепями Су Цзюгуй стоял посреди Террасы Казни Бессмертных. Он безучастно следил за тем, как тело его воспитанника покрывается броней, а человеческий облик окончательно уступает место чудовищу.

«Внутри него действительно сокрыта иная сущность».

Не будь Чжубай скован противостоянием с грозой, он бы уже вцепился учителю в глотку.

С его лица сошла вся прежняя напускная мягкость. Ложь исчерпала себя, обнажив истинный хищный оскал. Прошлые обиды и долги лишились всякого значения, уступив место одной-единственной цели.

— Берегись, о великий учитель, — прошипел Чжубай.

И словно в ответ на его слова, стоявший напротив старший брат Пуюнь молниеносно обнажил клинок. Острый кончик устремился к сердцу Су Цзюгуя. Змея кошмаров умело управляла не только призрачным громом, но и марионетками старейшин горы, воссозданными в этой иллюзии.

В тот день для совершения казни отобрали лучших мастеров ордена — никто не должен был позволить великому бунтарю вырваться из оков.

Су Цзюгуй уклонился, но скованное цепями тело отреагировало с опозданием. Холодная сталь полоснула по горлу, оставив неглубокий, но сочащийся кровью порез, мгновенно окрасивший воротник белого халата в багрянец.

«Кажется, с самого момента перерождения ранения преследуют меня неотступно».

Су Цзюгуй проигнорировал колкость. Слегка покачав головой, он сделал легкое движение — лишившись слабого лисьего обличья и вернув былую духовную плоть, он наконец ощутил позабытую легкость. Достаточно было едва заметного шага, чтобы перенестись на несколько чжанов вперед.

Укрывшись в тени полуразрушенных колонн, Хо Цин и Дева-змея испуганно жались друг к другу. Им следовало бежать без оглядки, однако величественное и жуткое зрелище приковало их взгляды.

Сражение такой сокрушительной мощи случалось на земле разве что раз в тысячелетие.

Сложив пальцы в призывном жесте, Су Цзюгуй извлек из пустоты призрачный клинок. Выкованное из векового льда лезвие полыхнуло потусторонним сиянием, обдав воздух морозным дыханием.

Шестеро искуснейших воинов Горы Великой Чистоты разом бросились в атаку, зажимая его в полукольцо, но даже под этим натиском он не уступил ни пяди земли.

Иллюзия Змеи кошмаров была искусной, но у нее имелись пределы. Скопировать чистую духовную силу великих мастеров она могла, однако воссоздать неповторимый почерк их техник и боевой опыт ей было не под силу.

Марионетки двигались слепо и прямолинейно. Демон не владел сложнейшими приемами древней школы и потому попросту не понимал, как противостоять вдумчивому фехтованию Су Цзюгуй.

Свистящий круговой удар ледяного меча заставил нападавших попятиться, разрывая кольцо окружения.

Мгновенно перехватив инициативу, заклинатель опустился на одно колено и начертил в воздухе сияющий символ. С силой опустив ладонь на камни террасы, он высвободил золотистые цепи духовной печати. Воздух вокруг него взвихрился, закружив опавшие листья в яростном урагане, эпицентром которого стал он сам.

— Ко мне! — выдохнул он.

Призыв прозвучал негромко, но властно.

Нападавшие застыли на месте, не в силах преодолеть невидимый барьер. Су Цзюгуй воздвиг вокруг себя абсолютную духовную стену, превратившую очерченный круг в неприступную крепость, куда чужакам путь был заказан.

— Ко мне, — повторил он.

Тон его оставался спокойным, почти ласковым, словно он звал домашнего питомца, но сила, сокрытая в этих словах, заставила содрогнуться всю округу.

Су Цзюгуй творил призыв духов.

Склоны Горы Великой Чистоты отзывались глухим рокотом. Из туманной лощины, сотрясая землю лапами, вымахнул исполинский белолобый тигр. Некогда укрощенный духовный зверь признал зов хозяина. Стоило бессмертному пожелать, и все духи этой горы склонили бы перед ним головы.

Лишь теперь Змея кошмаров поняла глубину своего безумия. Попытаться лишить жизни Лу Юньцзи в его собственной обители, где каждый камень дышал его энергией, а запасы духовной силы казались неисчерпаемыми, было чистым самоубийством.

Единственным ее козырем оставался небесный гром — единственная стихия, неподвластная великому мастеру.

Но появление Чжубая лишило ее и этого преимущества, предопределив бесславный исход.

Пальцы Су Цзюгуя сплелись в очередном стремительном узоре, очерчивая в воздухе ровный круг. Пространство между ладонями дрогнуло, уплотняясь.

В его руках возникло Зеркало Поглощения Морей.

Окружающий мир завыл от поднявшегося вихря.

Древний артефакт распахнул свой зев, готовый поглотить всё живое и неживое вокруг.

Откуда-то из бескрайней пустоты донесся протяжный, жалобный визг. Неважно, скрывалась ли тварь в небесной выси или таилась в недрах иллюзорной земли, беспощадная воля заклинателя сокрушила преграды, вырывая истинное тело Змеи кошмаров из-за спины ошеломленной Девы-змеи.

— Лу Юньцзи! — разнесся яростный вопль со всех сторон.

В последнее время враги повадились выкрикивать его настоящее имя, неизменно сопровождая его глупыми угрозами расправы. Но Лу Юньцзи давно пресытился этим шумом. Никакой гнев не мог поколебать его ледяного спокойствия.

Какая-то мелкая тварь вздумала тягаться с тем, кто стоял на пороге вознесения.

Перед величайшим заклинателем она была не более чем ничтожным насекомым.

Само его присутствие подавляло волю. Он мог даже не испытывать к врагу злобы — достаточно было небрежного взмаха рукава, чтобы развеять чужую душу по ветру.

Это походило на попытку человека поиграть с крошечным муравьем: даже самое бережное прикосновение гиганта способно обратить хрупкую жизнь в прах, оставив лишь недоумение от чужой немощи.

Лу Юньцзи оставался для демонического племени сокрушительным, непостижимым бедствием.

Плотные клубы черного дыма со свистом потянулись к золотому сиянию печати, увлекая за собой затихающий змеиный рев.

Дух Зеркала Поглощения Морей пробудился полностью, втягивая в бездонную утробу крупы наведенного кошмара. Вслед за Змеей туда устремились фантомы Горы Великой Чистоты, призрачные старейшины и остатки грозных туч.

Чжубай ощутил облегчение — давившее на ладони напряжение исчезло, едва остатки небесного гнева скрылись в зеркальной глади. Всё иллюзорное пространство рушилось, пожираемое могущественным артефактом.

Перед ним раскинулась подлинная, совершенная техника Бессмертного почтенного Юньцзи. Пожелай учитель избавить мир от угрозы раз и навсегда — и Чжубай остался бы в этой бездне навечно.

Скрытый за прядями растрепанных ветром волос взор Су Цзюгуя устремился на остатки тающего дыма. Чуть приподняв тонкий подбородок, он негромко обронил:

— Спасибо тебе, Змея кошмаров. За то, что позволила мне вспомнить себя.

Стремясь уничтожить его памятью о мучительной казни, демон невольно сорвал ментальные оковы, вернув миру прежнего Лу Юньцзи — грозного, непобедимого, на пике духовной мощи. В таком состоянии ему было достаточно единого слова, чтобы развеять в прах величайшего из демонов девятого ранга, или легкого движения руки, чтобы раздавить целое войско Армии Таинственных Символов.

Жаль лишь, что подобное величие могло вернуться к нему только под покровом сна.

Белые рукава летели по ветру, обнажая тонкий, но негибачеый силуэт. В бушующем вихре он предстал во всем своем величии — холодный, недосигаемый, излучающий абсолютную духовную власть. Человек, перед которым некогда преклонялся весь мир заклинателей, и который стоял всего в полшаге от окончательного вознесения.

Величайший гений, рожденный под небесами Горы Великой Чистоты.

Таким был его истинный облик — древний, безупречный и пугающий. Даже Чжубай, замороженный этим зрелищем, не мог отвести взгляда.

Сколько сотен лет пролетело с тех пор, как он видел своего наставника именно таким?

<http://bllate.org/book/18298/1755159>